

«Диадема» палеолитической стоянки Черноозерье II (Прииртышье): проблемы интерпретации

И. В. Шмидт*

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

Аннотация. Рассматривается корректность функциональной интерпретации фрагмента костяного изделия, хранящегося в Омском государственном историко-краеведческом музее. Указывается, что во всех презентациях она была обозначена в качестве «фрагмента диадемы». Особо подчеркивается, что изделие известно лишь узкому кругу специалистов, к исследованиям и аналогиям не привлекалось. В условиях расширения круга находок, интерпретируемых диадемами, необходимо поставить вопрос о корректности подобных заключений. Приведенные аргументы относительно возможного использования изделия предлагают их иную интерпретацию. Сделан вывод, что к статусному украшению головы данный предмет не имел отношения. Он служил, по-видимому, для фиксации краев одежды («рукавов», «штанин», «горловины»), обеспечивая их плотное прилегание к телу.

Ключевые слова: Западная Сибирь, палеолит, Черноозерье II, костяные изделия, диадема, элементы фиксации одежды.

Для цитирования: Шмидт И. В. «Диадема» палеолитической стоянки Черноозерье II (Прииртышье): проблемы интерпретации // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геoархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 28. С. 38–51. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2019.28.38>

“Diadem” of Paleolithic Site Chernoozerie 2 (Middle Irtysh Region): Problems of Interpretation

I. V. Shmidt*

F. M. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Abstract. The report is about consideration of correctness of functional interpretation of a fragment of bone item, stored in the Omsk State Historical Museum (OMK 9675/709, 712). The find was made in 1970, in the course of research of the Final Paleolithic site Chernoozerie 2 (Omsk region, Sargatskii district). In following presentations, it was designated as a “fragment of a diadem”. It’s only known to a narrow circle of specialists and was not involved to research and analogies. The diadem is typologically and functionally concrete object. Fragments of diadems were periodically found at stations and in burials of Paleolithic era. There, only those which have survived in the proper context can be recognized as diadems. There are some examples when the detection of bony hoops, certainly, has been associated with hair and forehead styling, and hood sealing. The first example is the burial of children from Malta, where a hoop was found near the head of one of the children: a thin, narrow rod of mammoth tusk. The second example is the Sungir children's burial, where a flat ring of mammoth tusk was found on the boy's crown. The functionality of both objects is determined by the context of their detection. We can only fix and reflect on some of their metric data for further identification of similar things. It is something rod-like and narrow. These several things sort of “turn off” most of the known finds from the Yansk station, fragments from the Denisova Cave, a product from the Chernoozerie 2 from the list of diadems. In the context of expanding the range of findings interpreted by the diadems, it is necessary to raise the question of the correctness of such conclusions. The given arguments regarding the possible use of the item, to which the fragments from the Chernoozerie 2 belong, offer a different interpretation. This item was not related to the status decoration of the head. Probably, it was used to fix the edges of clothing (“sleeves”, “trouser leg”, “neck”), ensuring their tight fit to the body.

Keywords: Western Siberia, Paleolithic, Chernoozerie 2, bone items, diadem, clothing fixing elements.

For citation: Shmidt I. V. “Diadem” of Paleolithic Site Chernoozerie 2 (Middle Irtysh Region): Problems of Interpretation. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2019, Vol. 28, pp. 38–51. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2019.28.38> (in Russ.)

*Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.

For complete information about the authors, see the last page of the article.

Введение

Стимулом к рассуждениям могут стать порой элементарные, привычные вещи, например рабочая гипотеза относительно функционального определения некоего артефакта. Казалось бы, формальность, но в данном случае она стала пусковым механизмом к пересмотру целой коллекции, истории её формирования, исследований и интерпретаций включенных в неё артефактов.

Не так давно прозвучали сообщения о находках Янской стоянки. К фрагментам «диадемы», рассредоточенных по площади раскопов, было отнесено 248 предметов [Питулько,

Павлова, 2014, с. 145]. Если мы сократим это количество до «медиальных», «целых» и «почти целых» фрагментов, то их окажется около 130 экз. [Там же, с. 146]. Даже половина (медиальные фрагменты могут являться частями одного изделия) указанного количества впечатляет и заставляет задуматься о принципах функционального определения подобных находок. Эту сложность понимают и авторы упоминаемого сообщения: «...за данным термином может скрываться три категории украшений, во фрагментарном состоянии неразличимых» [Там же, с. 142, 145]. Поэтому вдвойне неожиданно далее по тексту звучат предложения по выделению внутри массива находок двух категорий изделий – диадем и браслетов, отдельные метрические параметры которых странным образом совпадают. К примеру, ширина диадем варьирует в диапазоне от 3 до почти 24 мм, а ширина фрагментов браслетов – от 21 до 100 мм [Там же, с. 147, 151].

Не столь давно новосибирские коллеги озвучивали результаты полевого сезона 2016 г. Центральный зал Денисовой пещеры порадовал фрагментами «диадем», поднятых из плейстоценовых отложений [Костяные орудия ... , 2016; Палеолитическая диадема ... , 2018].

Презентация упомянутых изделий, на фоне давно и хрестоматийно известных образцов, заставила вспомнить об одной несостоявшейся им аналогии. Она не имеет отношения к палеолиту Алтая (и уж тем более к палеолиту севера Якутии), на них не похожа, но аналогично им воспринимается «фрагментированным фрагментом» палеолитической «диадемы». Несмотря на почти полувековое пребывание вне культурных отложений¹, широкому научному сообществу данный предмет почти не известен. Попытаемся это некоторым образом исправить, параллельно обсуждая справедливость определения и возможность развития критики формального подхода относительно первичной интерпретации.

Материалы

Черноозерье II – финальнопалеолитическая стоянка юга Западной Сибири, расположена в 150 км северо-восточнее г. Омска (рис. 1). Исследовалась уральской археологической экспедицией УрГУ под руководством В. Ф. Генинга и В. Т. Петрина в конце 1960-х – начале 1970-х гг. В ходе работ 1970 г. были обнаружены около двух десятков костяных изделий, компактно расположенных в зоне очага (кв. Е/01): кинжалы и ножи (4 экз.), среди них известный черноозерский кинжал; изделия неясного назначения (12 экз.) с менее известным, но типологически редким изделием – «костяным орнаментированным топориком»; украшения (5 экз.) – две фрагментированные диадемы, три подвески [Петрин, 1986, с. 37, рис. 23; с. 60–65]. Судьба находок печальна. Краткая презентация в нескольких публикациях исчерпала интерес к большинству из них. Часть была передана в фонды Омского государственного историко-краеведческого музея. Сопроводительная документация утрачена, поэтому сложно предположить, в каком объеме состоялась передача. На данный момент в фондах музея находится девять экземпляров костяных изделий из этой коллекции. Где остальные – неизвестно (включая фрагмент второй «диадемы»).

Изделие, о котором ниже пойдет речь, определено как «обломок диадемы» [Там же, с. 63]. Состоит из двух ранее склеенных между собой фрагментов, в этом состоянии они даны и в прорисовке первооткрывателя (рис. 2, 1). В настоящий момент это два фрагмента с различными инвентарными номерами: фрагмент больших размеров имеет шифр ОМК 9675/709, а меньших – ОМК 9675/712. Их состояние удовлетворительное, на крепкой поверхности обоих фрагментов фиксируются редкие пятна дендритов; генеральный цвет – коричневато-серый, светлый (рис. 3).

¹ Запасники Омского государственного историко-краеведческого музея тоже могут быть таковыми приняты. К слову, только благодаря тому, что данный артефакт не включен в постоянную экспозицию, удастся периодически обращаться к его исследованию. Другие экспонаты – знаменитый черноозерский кинжал и «топорик» – являются пределом мечтаний исследователей вот уже лет пять.

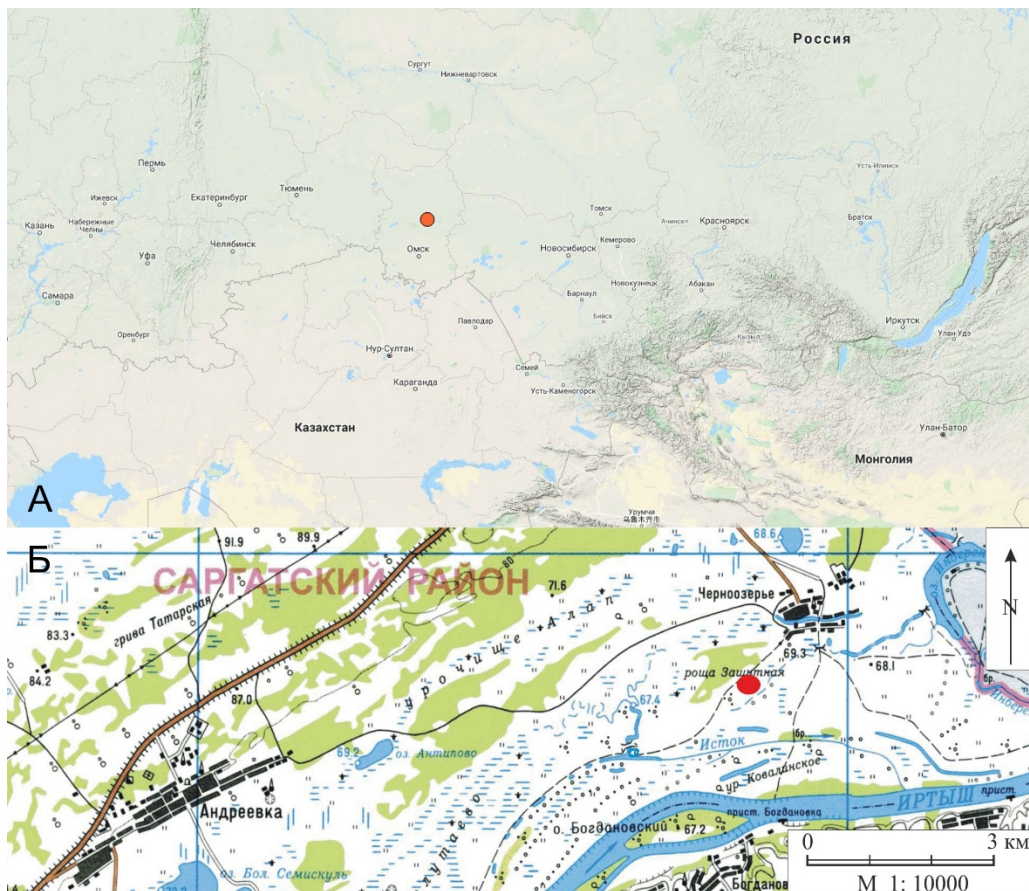

Рис. 1. Финальнопалеолитическая стоянка Черноозерье II на карте. План расположения комплекса на административной карте района (красный круг)

В ходе исследования и фотографирования приходилось механическим образом совмещать два фрагмента. Выявлены «тафономические издержки», которые сказались не только на разнице цветовой гаммы поверхностей; также были обнаружены и незначительные потери в зоне слома – плотное прилегание фиксируется только в верхней зоне (согласно расположению, предложенному в прилагаемой иллюстрации), ощутимо различие и в характере воздействия на поверхности (рис. 2, 2; 3) – большой фрагмент испещрен царапинами, малый практически их лишен; рельеф на внутренней поверхности, оставленный орудием с ретушированным рабочим краем, интенсивнее сnivelирован на фрагменте ОМК 9675/712. Данные аспекты и дополнительный ряд факторов (они прозвучат ниже) могли бы позволить назвать их фрагментами различных изделий, но метрические данные (табл.), упомянутое идеальное прилегание фрагментов в верхней части, совпадение рельефов, оставленных орудием на обороте фрагментов (рис. 3, Г), однозначно свидетельствуют о единстве их существования, утраченного еще до изъятия из культурного горизонта¹. Информация об обстоятельствах и контекстах их обнаружения, надеемся, содержится в

¹ Их фрагментация в ходе археологических работ шпателем или лопатой исключена. Все зоны сломов, центральная в том числе, равномерно патинизированы. Хорошо заметны участки, где с фрагментами соприкасался археологический инструмент. Их внимания «достоен» ОМК 9675/709; 712-й его лишен (см. рис. 3, Г). Это позволяет выдвинуть предположения относительно инситуного расположения ОМК 9675/709 – вниз лицевой стороной и подтверждает состояние разрозненности фрагментов в момент обнаружения.

единственном варианте отчета В. Т. Петрина, который хранится в архиве ИА РАН [Научно-отраслевой архив, 2017, с. 271] и ознакомление с которым нам еще предстоит.

Таблица

Отдельные метрические показатели фрагментов «диадемы» со стоянки Черноозерье II, мм					
№ фрагмента	Длина ¹	Ширина	Толщина ² по верхней кромке	Толщина по нижней кромке	Диаметр отверстия
709	48,1	38,5	1,6	2	целого – 3, нарушенного – 2
712	17,7	сохранившаяся 34,6	1,6	2,1	4,9

¹ Параметр фиксируется по верхнему канту, согласно позиции предмета, представленного в рисунках.

² Замеры данного параметра производятся в зоне центрального слома, что наглядно подтверждает «родство» фрагментов.

Совокупная длина фрагментов колеблется в диапазоне 66 мм по верхней кромке, ширина, зафиксированная по ОМК 9675/709, – 38 мм, толщина 2 мм. Изделие обладало заметно изогнутым продольным профилем и прямым вертикальным (рис. 2, 2). Материал: расщепленная реберная кость крупного копытного. Лицевая поверхность залощена, в зоне верхнего и нижнего краев изделия заметны следы износа, сравнимого с заполировкой; заметны зоны локализации неглубоких разнонаправленных рисок и потертостей. Обратная сторона тщательно выскоблена, освобождена от остатков губчатой кости (см. рис. 3); фиксируется некоторая залощенность рельефа внутренней поверхности.

Фрагмент ОМК 9675/709 обладает двумя зонами сломов (без учета малого фрагмента в левом нижнем углу, «воздействие шпателя»); ОМК 9675/712 – тремя (рис. 2, 2; 3; 4, 1). Специфика состояния правой линии косого слома большого фрагмента и особенности её рельефа (короткий язычковый выступ) свидетельствуют о чрезмерном давлении на артефакт в момент сжатия/стягивания его концов (рис. 5, 2). Рельеф левого слома малого фрагмента аналогичен ему, но образовавшийся выступ меньше. Рельеф центрального, «общего» для фрагментов, слома скрыт под густым слоем клея, рассуждать о его особенностях затруднительно. Нижняя зона фрагмента ОМК 9675/712 утратила около четырех миллиметров края, потеряв участок орнамента и половину сквозного отверстия.

«Совокупный фрагмент» содержит следы трех отверстий¹: одно целое и два нарушенных (см. табл.; рис. 5, 1). Целое отверстие выполнено в технике биконического сверления, как и полуразрушенное отверстие фрагмента ОМК 9675/712 (рис. 4, 2; 5, 1 В). Нарушенное отверстие пластины ОМК 9675/709 получено техникой одностороннего сверления с легким отклонением оси (рис. 5, 1 Б).

Расположение отверстий затрудняет их интерпретацию в качестве отверстий для краевого крепления². Два отверстия ОМК 9675/709 располагаются не вдоль края (одного из возможных двух), а диагонально ему, в верхнем правом углу фрагмента. Отверстие ОМК 9675/712 – в нижнем левом углу фрагмента. Если опереться на метрически возможную реконструкцию нижнего края ОМК 9675/712, с опорой на параметры ОМК 9675/709, мы заметим, что и орнаментальная композиция, и отверстие с диаметром почти в 5 мм на пластине едва помещаются (рис. 4, 2). Как часто мы встречаем «фрагменты диадем» с замысловатыми выступами в зоне краев/кантов? Таковых пока не известно. Допущение, что отверстие, полученное двусторонним сверлением, обладает овальной либо какой-нибудь иной конфигурацией, значительно меняющей его метрику, сомнительно. Совокупность данных аргументов настораживает. Насколько отверстие ОМК 9675/712 изначально соответствовало периметру изделия, было «вписано» в него, мы никогда не узнаем, но

¹ В ходе выполнения прорисовки в 1970-х гг. отверстие ОМК 9675/712 зафиксировано не было, как и оформление верхнего канта.

² О том, что черноозерцы понимали преимущества соответствующего краевого распределения отверстий для крепления/скрепления изделия, говорит прорисовка другой пластины из монографии В. Т. Петрина, ныне утраченной [1986, с. 65, рис. 53, 1]. Иначе говоря, в иллюстрируемом «хаотичном» размещении отверстий есть определенный замысел, который остается скрытым от нас – они могли бы расположить отверстия параллельно краю, но не стали этого делать.

стремление «посадить» отверстие максимально близко к краю, в миллиметре от него, в буквальном смысле слова, заметно на фрагменте другого изделия из черноозерской коллекции ОМК 9675/710, отдельная публикация которого ожидается. Безусловно, это должно было сказаться на особенностях эксплуатации отверстия, сложно представить, что оно было предназначено для уверенного/убедительного скрепления краев и их стяжки. Вероятно, данная функция реализовывалась как-то иначе, без расчета на участие в ней отверстия ОМК 9675/712. Отверстия ОМК 9675/709 гипотетически могли принимать участие в стягивании краев изделия, правда, ввиду необычности их расположения, не совсем понятно, как именно. Визуальный осмотр зон залоченности бортов и кантов трех отверстий не позволяет выделить участки интенсивного воздействия (разрешение на проведение напыления мы не получили) (рис. 5, 1). Сложно избавиться от впечатления, что оно распространялось приблизительно равномерно относительно всех сегментов отверстий. Было ли это воздействие связано с «ремешками/шнурами» – большой вопрос. Зон интенсивного нарушения бортов и кантов отверстий «ремешками» не зафиксировано¹. Учитывая их странное расположение, что уже отмечено, использование их в процедурах крепления оставим под вопросом.

Тема «странностей крепления» продолжается анализом зоны интенсивной деградации поверхности, проще, канала протертости, отчетливо фиксируемой в центре фрагмента (см. рис. 4). Его ширина стабильна – 1,5 мм, длина зафиксирована в пределах естественной видимости – около 40 мм. Канал развивался только в центральной зоне пластины, не затрагивая её краев; заметно, что его расположение не связано ни с одним из трех сохранившихся отверстий. Состояние бортов канала свидетельствует о трении какой-то грубой (скорее всего, не кожаной) субстанции о поверхность изделия. Это мог быть жгут из волос/шерсти или чего-то растительного, используемый, вероятно, в качестве внешней обмотки изделия. Неоднократная реализация данной процедуры («обмотки» изделия, зафиксированного в сжатом/полусогнутом положении) и обусловила появление/развитие неглубокого, но заметного невооруженным глазом канала.

Высказанные замечания ведут к нескольким заключениям: во-первых, предмет обладал необычной системой крепления (либо основного, либо дополнительного), в котором сохранившиеся отверстия, по-видимому, не принимали сколько-нибудь заметного участия; во-вторых, усилия, связанные со сгибанием и фиксацией в данном положении предмета, заметно влияли на его деформацию и могли стать причиной частичного (образование канала) или полного (слом) разрушения.

И последний момент относительно физической презентации данного артефакта. Между зонами отверстий перпендикулярно длинной оси изделия заметна серия неглубоких резов/царапин, маркирующих пространство между отверстиями ОМК 9675/709 (рис. 4, 2; 5, 2). Их нагрузка остается неясной, но интенсивность обозначения снимает сомнения в случайности появления данных знаков.

Особенностью изделия является его орнамент. Знаковый текст расположен на лицевой стороне пластин, локализован в двух зонах (относительно представленной иллюстрации): нижней (прикраевой) и верхней (краевой).

Прикраевая нижняя зона оформлена двумя пропилами с округлыми лунками, посаженными в канал пропила (рис. 3, В; 4). У фрагмента ОМК 9675/712 сохранился один канал, но в технике исполнения он идентичен орнаментальному тексту фрагмента ОМК 9675/709 (за исключением заметной разреженности распределения лунок в канале).

Верхняя кромка фрагмента ОМК 9675/709 оформлена группой из пяти резных V-образных знаков (рис. 3, А). Полуразрушенный участок левее основной группы V-образных элементов сохранил остатки еще двух знаков (рис. 3, Б), которые скорее походят нарезы, фиксируемые на фрагменте ОМК 9675/712 (рис. 4, 1, 2).

¹ У малого отверстия фрагмента ОМК 9675/709 можно выделить зону нарушения бортов (рис. 5, 1 Б). Но вектор её распространения – к центру пластины – не проясняет специфики его использования в качестве отверстия для крепления «через край».

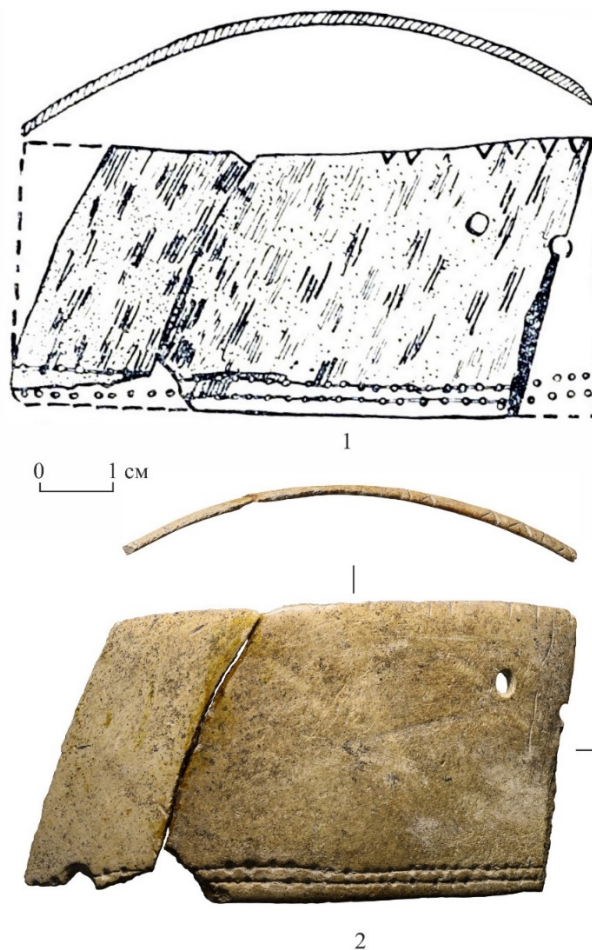

Рис. 2. Черноозерье II. Фрагмент «диадемы» (ОМК 9675/709, 712):
1 – прорисовка изделия (по: [Петрин, 1986, рис. 53, 3]; 2 – фото изделия (двух его фрагментов)

Таким образом, поверхность изделия оформлена пропилами, заполненными лунками и насечками/резами, типичным для черноозерской традиции набором элементов. Относительно особенностей его выполнения можно дать некоторые пояснения технического плана.

Пропилы выполнены резцом, оставившим V-образный в профиле канал шириной – 0,5–1 мм. Их глубина слегка варьируется от 0,5 до 0,7 мм. Расположены они преимущественно параллельно друг другу, с искривлениями хода линий, что естественно для ручной работы. На бортах и кантах каналов во многих местах заметны многочисленные нарушения – следы сильной истертости, редуцирующей глубину, многочисленные мелкие и глубокие царапины (иногда целенаправленно адресованные конкретной зоне, рис. 3, Б).

Лунки выполнены сверлением, очевидно, с полным оборотом сверла. Визуально фиксируется относительное постоянство их глубин (но точность данных замеров оставляет желать лучшего). Форма – конусовидная, притупленная, с заметной разницей в «развале» бортов, что может быть принято косвенным свидетельством использования мастером различных буров. К примеру, во втором канале ОМК 9675/709 обращает на себя внимание группа из пяти лунок, выполненных инструментом с широким жалом, что обозначило их больший диаметр – до 1,5 мм, при аналогичной другим элементам глубине. Большинство же лунок выполнены инструментом с тонким острием, их диаметр составил 0,8–1 мм.

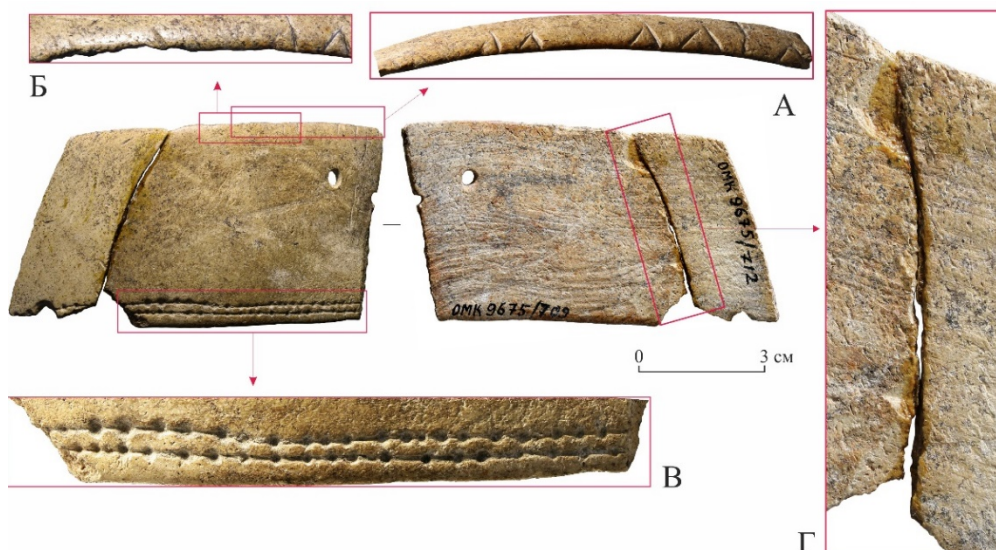

Рис. 3. Черноозерье II. Фрагмент «диадемы» (ОМК 9675/709, 712):

А – увеличенный в несколько раз участок верхнего края фрагментов с V-образными элементами; Б – участок с утраченными орнаментальными элементами; В – фрагмент орнаментального оформления нижнего края ОМК 9675/709; Г – зона разлома

Первый пропилов фрагмента ОМК 9675/709 сохранил 20 лунок, второй – 22. Какой-либо специфической группировки элементов не прослеживается (за исключением упомянутой разницы в параметрах).

У фрагмента ОМК 9675/712 из-за нарушения нижней зоны сохранилась знаковая комбинация лишь 2-го канала: пропилов и 5 лунок, ряд которых нарушает сквозное отверстие.

Ранее было предложено назвать подобный набор орнаментальных элементов и специфику их синтаксиса «черноозерской жемчужной нитью» [Шмидт, 2017, с. 56].

На противоположной кромке изделия сохранилось пять, а не шесть, как показано у В. Т. Петрина [1986, рис. 53, 3], V-образных пропилов, обращенных вершинами к центру изделия (см. рис. 2, 1, 2), и фрагменты еще двух знаков, о форме которых судить сложно. Четыре V-знака сгруппированы по два. Их размеры варьируются как в ширине шага от 1,5 до 3 мм, так и в величине линейных параметров (в том же диапазоне). Размеры резов на верхнем канте ОМК 9675/712 несколько крупнее – 3 и 4 мм в длину.

О состоянии бортов пропилов и каверн, минеральной и типологической характеристике инструментов, при помощи которых они выполнены¹, физическом состоянии поверхности кости в момент выполнения орнамента (размягчена она была или нет), о технических деталях, дополнительно характеризующих выполнение орнаментальной записи [см. напр.: Lbova, Volkov, 2016], можно будет дать заключение после проведения соответствующих исследований и экспериментов.

Обсуждение функциональной нагрузки

Вернемся к тому, с чего начались наши рассуждения – а «диадема» ли?

В иконографии палеолита данная тема раскрыто слабо. Можно привести несколько примеров из Ла Марш, где на одной гравировке профиль женской головы украшен чем-то, напоминающим либо повязку, либо ободок. Изделие расположено выше зоны лба, на темени. На другой гравировке, в той же зоне головы, заметна широкая «лента», которую, при желании, можно принять изображением диадемы [Абрамова, 2010, с. 95, рис. 53, 29;

¹ Нельзя исключать как разнообразные породы каменного сырья, так и костяной субстрат инструментария; остря с различными метрическими данными «точки жала» [Медведев, 1981; Ташак, 2007, с. 120].

с. 102, рис. 53, 38]. Проблема заключается в расположении изображенных «диадем». Оба варианта диагонально охватывают верхний отдел головы, что делает невозможным крепкую фиксацию изделия ни через потенциальные сквозные отверстия на концах, ни через внешние стягивающие обруч жгуты. Стягивать обруч можно лишь в положении горизонтального перехвата головы через лобную зону. В этом положении закрепленное изделие не имеет возможности соскользнуть с округлой поверхности. Ни одного изображения «диадемы» в данной позиции художественным образом не зафиксировано.

Источниковедение эпохи дает редкие примеры археологического обнаружения бесспорно диадем в контексте погребальных комплексов. Первый случай – мальтинское детское парное погребение: «У головы найдены остатки простейшей диадемы, представляющей собою обруч, согнутый из тонкого, неширокого стерженька из бивня мамонта. Концы его, видимо, были соединены шнуровкой, т. к. они оба имеют по небольшому отверстию, вполне пригодному для этой цели. Обруч гладкий, лишен орнамента...» [Герасимов, 1931, с. 28]. Итак, речь идет о тонком, выполненном из цельного стержня обруче, обнаруженном в зоне головы (но не надетого на неё) одного из погребенных детей. О настоящем состоянии данного артефакта известно мало. В коллекции Мальты есть еще несколько фрагментов, априори (вне контекста обнаружения) определенных фрагментами диадем. Ширина одного из них 42 мм [см. 3D Галерея], что метрически близко черноозерским фрагментам.

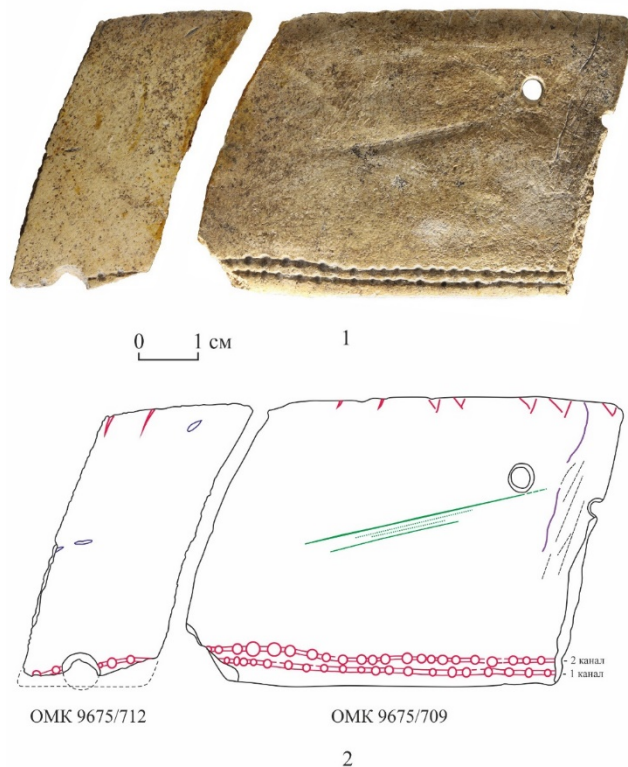

Рис. 4. Черноозерье II. Фрагмент «диадемы» (ОМК 9675/709, 712):

1 – снимок фрагментов в нижнем освещении, позволяющем наблюдение расположения зоны деградации поверхности в центре фрагмента ОМК 9675/709; 2 – схема прорисовки орнаментального текста и отдельных деталей. Фиолетовым цветом показаны функционально непонятные, но интенсивно выраженные линии; зеленым – зона канала, образованного интенсивным трением; черным пунктиром – группа вертикально ориентированных следов внешнего воздействия (?). На фрагменте ОМК 9675/712 отдельно предложена реконструкция утраченного нижнего канта в соответствии с метрическими данными фрагмента ОМК 9675/709 и зоны отверстия, исходя из параметров сохранившейся его части

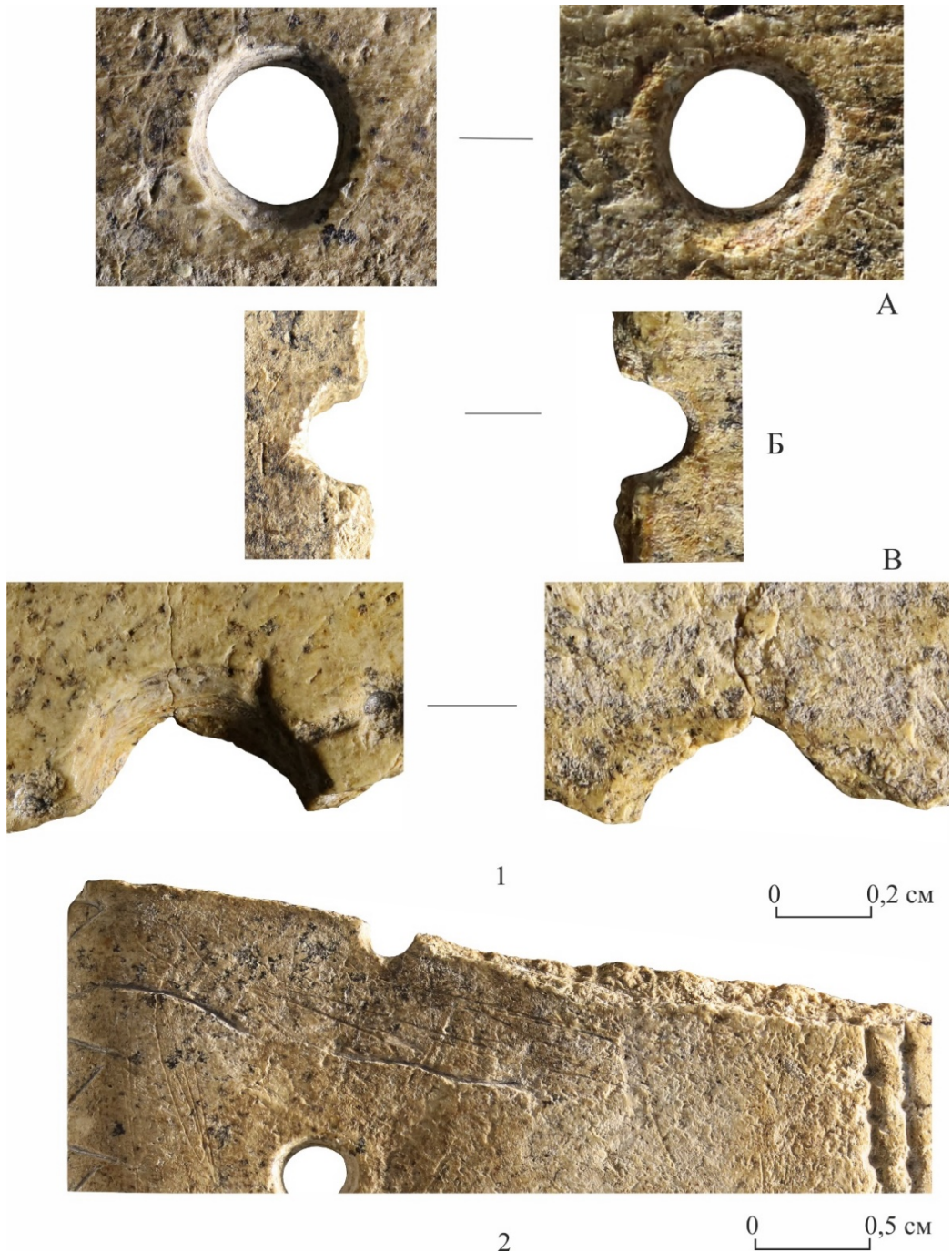

Рис. 5. Черноозерье II. Фрагмент «диадемы» (ОМК 9675/709):

1 – увеличенная в несколько раз зона большого целого (А – лицевая и оборотная стороны) и мало нарушенного (Б – лицевая и оборотная стороны) отверстий. В – отверстие пластины ОМК 9675/712 (лицевая и оборотная стороны); 2 – зона «центрального» разлома ОМК 9675/709 (поданная в горизонтальной проекции), с возможностью наблюдения особенностей микрорельефа поверхности разлома; участка со следами от кинетического воздействия на лицевую поверхность в зоне двух отверстий

Сунгирьское детское погребение тоже предоставило пример диадемы: «Плоское кольцо из бивня мамонта на темени мальчика могло стягивать волосы или служить каким-то украшением на шапке» [*Homo sungirensis* ... , 2000, с. 27]. В остальных погребениях Сунгирия диадем не обнаружено. О параметрах изделия не сказано, но известно, что оно уплощено, представляет собой нечто цельное и, вероятно, не отмечено заметной шириной.

Приведенные примеры интересны тем, что изделия из погребений получили свое определение, исходя из контекста обнаружения. Благодаря им, мы можем допустить, что человек действительно носил на голове нечто похожее на обручи: они стержнеобразны, могут быть уплощенными (т. е. весьма нешироки) и с «понятной» системой крепления (в условиях присутствия отверстий на концах). Правда, их функциональная нагрузка остается неясной: украшение, стягивание волос в прическе или капюшона... Тот факт, что они найдены в погребении, при строгом рассмотрении конкретной ситуации также оставляет без ответа вопрос: а носили ли подобные изделия люди при жизни?

Любая из реальных и предполагаемых «диадем» при ближайшем рассмотрении обладает своей спецификой. Черноозерское изделие, с опорой на особенности фрагмента ОМК 9675/709, находилось в контексте плотного охвата некоторой поверхности в момент использования. Это затрудняет её восприятие в качестве диадемы, обычно свободно надеваемой на голову человека. Аргументируем сомнения:

1. Равномерность распределения внутренней залощенности. Она не фиксируется «внизу» или «вверху» фрагментов, следовательно, у нас нет оснований для рассуждений о «перегрузках» краев, вызванных диагональным, относительно охвата головы, способом фиксации изделия («на темя её не возлагали»). Состояние внутренней стороны подтверждает плотное прилегание к какой-то поверхности – коже либо меху (для уточнения данного вопроса необходимы эксперименты). Изделие не смещалось относительно поверхности, иначе бы рельеф, оставленный скобящим инструментом, был бы интенсивнее сnivelирован (о том, что этого можно легко добиться, говорит степень «тафономической изношенности» оборота пластины ОМК 9675/712); эффект от лощения и трения был бы заметнее.

2. Залощенность краев изделия. Они были уверенно скрыты в «копне волос» или чего-то мягкого, интенсивно «полирующего» именно краевые зоны изделия / его канты.

3. След от внешнего крепления на лицевой стороне изделия дополняет представление о его плотной перетяжке/стягивании, по-видимому, в довольно согнутом состоянии. Канал затертости не распространяется по всей поверхности фрагмента, ярко обозначен лишь в центральной зоне; не горизонтально длинной оси предмета, а слегка наискосок, и «исчезает» с переходом в зону отверстий. Его отсутствие/исчезновение в зонах сломов и на прилегающем поле фрагмента ОМК 9675/712 можно пояснить лишь снятием/ослаблением «ремешкового натяжения» в них через «подключение» дополнительных костяных накладок.

4. В зоне двух отверстий ОМК 9675/709 заметны вертикальные риски (см. рис. 5, 2), оставленные каким-то предметом¹, который, вероятно, накладывался поверх рассматриваемой пластины, что тем самым вело к уменьшению площади воздействия внешнего крепления на её поверхность и появлению следов от соприкосновения с накладкой.

Обобщим полученные данные: «костяная лента» в четыре сантиметра шириной посреди лба человека (с довольно малым размером головы, согласно сохранившейся деформации), перекрытого копной волос либо капюшоном, следовательно, полностью закрывающая зону глаз, в жестко зафиксированном состоянии, со странным порядком крепления, с учетом, по-видимому, составного характера изделия, состоящего из нескольких пластин, крепившихся «внахлест». Выше озвучены некоторые признаки диадем, обнаруженных в погребениях, – черноозерские фрагменты им не идентичны, характеристики их состояния не способствуют развитию темы «украшения» головы. Ношение данной «диадемы» сопровождалось бы элементарным неудобством и даже болевыми ощущениями. Что могло послужить поводом к интерпретации обнаруженных фрагментов частями диадемы – неизвестно.

¹ Не исключено, что они могли быть и целенаправленно нанесены в качестве «разметки поля перекрытия» пластин.

Уже первооткрывателями В. Ф. Генингом и В. Т. Петриным было выражено сомнение в верности рабочей гипотезы: «К черноозерским диадемам... очень близки по размерам и форме так называемые нагрудные мужские украшения со стоянки Мальта» [Генинг, Петрин, 1985, с. 56]. Не известно, о каких именно мужских нагрудных украшениях идет речь, но среди мальтинских диадем поиск аналогий не ведется, что позволяет нам взглянуть на данную вещь без историографических точек опоры, лишь с учетом выявленных фактов.

Более позитивно может прозвучать предложение принять данную пластину фрагментом изделия, напоминающего браслет. Иконографические источники поддерживают данное предположение достаточным количеством примеров. Многочисленные изображения антропоморфов представляют нам различные варианты ношения подобных изделий, как и различные их формы – от узких до широких, цельнокроеных и составных... [Абрамова, 2010, с. 95, рис. 7, 3; 53, 29, 36, 37, 40; 120, 68; Верхний палеолит ... , 2016, с. 340, 343; Guthrie, 2005, р. 201]. Есть примеры и из погребений. В погребениях стоянки Сунгирь их обнаружено сразу несколько разновидностей: и тонких, и широких, и цельных, и составных [*Homo sungirensis* ... , 2000, с. 27; Муравьева, 2001; Пальцева, 2012; Предметы с орнаментом ... , 2015, с. 18–19], с параметрами изгибов, сильно напоминающими наш вариант. Известны случаи их размещения в зонах локтей, запястий, на плечевых костях; комплексно в группах и единично [Пальцева, 2012, с. 12]. Интересны гипотезы относительно их эксплуатации, способов ношения. Часть браслетов, исходя из их небольшой длины (от 8 см), скорее всего, были надеты прямо на руку. Другие, судя по размерам и отверстиям для шнурков на несомкнутых концах, носились не на голой руке, а были укреплены на одежде [Бадер, 1998, с. 89; *Homo sungirensis* ... , 2000, с. 27]¹. Таким образом, некоторые изделия могли носиться поверх одежды. К сожалению, о степени их изношенности, следах, подтверждающих подобное их использование, информации нет. Но можно предположить, что речь в данном случае ведется не только о «статусных вещах». С учетом отсутствия прецизионного кроя одежды в палеолите, человек мог испытывать необходимость в утилитарных предметах, своеобразных уплотнителях в зонах краев одежды, что представляется удобным и необходимым, особенно в холодные сезоны – своего рода съемных манжетах, «палеолитических наручных». Это удобно объясняет, в частности, специфику черноозерского фрагмента, заполированность его краев и необходимость крепкой фиксации-стяжки нескольких полусогнутых пластин или же цельного костяного сегмента, края которого укрепляются «внахлест», и дополнительную обмотку, которую удобно пустить и впоследствии контролировать поверх широкого поля изделия.

Конечно же, не все «черноозерские вопросы» данным предположением будут исчерпаны. К примеру, расположение отверстий на фрагментах ОМК 9675/709, 712 им не проясняется. Но любой палеолитический предмет хранит массу секретов, раскрывая их постепенно, в ходе появления новой информации или же подключения новых методик анализа. Черноозерские фрагменты не исключение.

Заключение

В течение уже скоро полувека фрагменты ОМК 9675/709 и 712 воспринимаются обломком «диадемы». И объемы накопленного за это время материала, и изменение методик анализа подобных изделий, простое стремление поближе познакомиться с ним потребовали пересмотра отдельных аспектов их восприятия. С учетом исчезновения половины коллекции, полученной в ходе раскопок стоянки, постепенного разрушения существующих экземпляров можно согласиться с актуальностью данной задачи.

¹ Несмотря на то что сунгирские материалы, на мой взгляд, едва подходят для рассуждений и раскрытия темы «носки» браслетов, другого материала у нас просто нет. Справедливости ради необходимо отметить, что в погребениях оказались достаточно странные «браслеты» (учтенные в общем количестве). К примеру, в погребении мальчика, под правым его плечом найден браслет диаметром около 2,5 см, что заставляет додумывать способ его употребления [Пальцева, 2012, с. 14]. Другой пример: «Еще один целый браслет из детского погребения имеет длину 11,9 см (диаметр – 3,8 см) – он располагался на локтевой кости девочки. Этот браслет мог надеваться на голое запястье» [Там же].

Фрагмент был зафиксирован лишь в прорисовке. Выполнена она согласно требованиям своего времени, с обозначением общих особенностей изделия. Художник не зафиксировал ряд деталей, характеризующих употребление и оформление предмета: отверстие ОМК 9675/712, резы, сопровождающие верхний край фрагментов (их он объективно мог не заметить или не принять важным знаковым уточнением), заметны нарушения в передаче орнаментального оформления.

Основной вопрос нашего исследования – принадлежали ли данные фрагменты изделию, определяемому диадемой? Выявленные факты данную гипотезу не поддерживают. Плотность фиксации и особенности ношения, метрические преимущества ширины (по сравнению с узкими стержнями), характерные следы износа и контакта с другими поверхностями свидетельствуют в пользу восприятия их в качестве фиксаторов краев одежды, что-то наподобие «браслетов-наручной», необходимых для плотного прилегания краев одежды – «рукавов», «штанин», «горловин» – к телу, как это показано, к примеру, на гравиурках из Истюриц и Ла Марш [Абрамова, 2010, рис. 7, 3; 53, 36, 47].

В отечественной практике артефакты с подобной функциональной нагрузкой фиксируются редко, не отработаны признаки их выделения в коллекциях. Любой полусогнутый стержень, а порой и внушительных размеров пластина, автоматически, вне контекстов обнаружения, метрических и морфологических особенностей определяются «диадемами», что несправедливо. «Манжеты», «воротники», различного рода «уплотнители», «фиксаторы» элементов одежды обладали функциональным преимуществом в те далекие времена; в контексте повседневности они были активно употребимы, что делает фрагменты подобных изделий частыми (более частыми, чем фрагменты диадем) находками. Нам необходимо задуматься над критериями их выявления, определений и интерпретаций.

Благодарности

Автор выражает благодарность А. А. Бондареву (г. Омск), палеозоологу, за осторожность видового определения костного материала; И. В. Федотовой (г. Омск), сотруднику Омского государственного историко-краеведческого музея, главному хранителю, за поддержку исследования предмета; Е. Ю. Гире (г. Санкт-Петербург), старшему научному сотруднику Экспериментально-грасологической лаборатории ИИМК РАН, за своевременную корректировку размышлений автора относительно технического аспекта выполнения орнамента; Е. М. Беспрозванному, руководителю НАЦ АВ КОМ-Наследие (г. Екатеринбург) за техническую поддержку исследования.

Список литературы

- 3D Галерея [Электронный ресурс]. URL: <http://3d.nsu.ru/ru/object/view/tiara1?categoryId=9> (дата обращения 03.05.2019)
- Абрамова З. А. Древнейший образ человека: Каталог по материалам палеолитического искусства Европы. СПб.: Петербург. востоковедение, 2010. 304 с.
- Бадер О. Н. Сунгирь. Палеолитические погребения // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). М., 1998. С. 5–158.
- Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН / отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб.: Экстрапринт, 2016. 384 с.
- Генинг В. Ф., Петрин В. Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. 88 с.
- Герасимов М. М. Мальта. Палеолитическая стоянка (предварительные данные). Результат работ 1928/29 г. Иркутск: Власть труда, 1931. 34 с.
- Костяные орудия и украшения раннего верхнего палеолита из центрального зала Денисовой пещеры: коллекция 2016 года / М. В. Шуньков, А. Ю. Федорченко, М. Б. Козликин, Н. Е. Белоусова, Г. Д. Павленок // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2016. Т. XXII. С. 221–224.
- Медведев Г. И. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря палеолитических и мезолитических ансамблей Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников. Иркутск, 1981. С. 16–33.
- Муравьева А. Н. Браслеты из погребения мужчины со стоянки Сунгирь // Материалы исследований Владимиро-Суздальского музея-заповедника. 2001. № 7. С. 86–92.
- Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог / отв. ред. Н. А. Макаров, П. Г. Гайдуков. М.: ИА РАН, 2017. Т. 5: 1969–1971 гг. 352 с.
- Палеолитическая диадема из Денисовой пещеры / А. П. Деревянко, М. В. Шуньков, А. Ю. Федорченко, М. Б. Козликин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2018. Т. XXIV. С. 87–90. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2018.24.087-090>

- Пальцева А. Н. Предварительные итоги исследования браслетов со стоянки Сунгирь из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Археология Подмосковья. М., 2012. Вып. 8. С. 11–15.
- Петрин В. Т. Палеолитические памятники Западносибирской равнины. Новосибирск : Наука, 1986. 143 с.
- Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Искусство Янской стоянки: диадемы и браслеты из бивня мамонта (предварительный анализ коллекции) // Археология Арктики. Екатеринбург, 2014. Вып. 2. С. 140–161.
- Предметы с орнаментом со стоянки Сунгирь: из археологической коллекции Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог / сост. А. Н. Денисова. Владимир, 2015. 28 с.
- Ташак В. И. Орудия из кости и их производство в верхнем палеолите Западного Забайкалья (по материалам Подзвонкой) // Изв. Лаборатории древних технологий. 2007. № 1 (5). С. 118–137.
- Шмидт И. В. Орнаменты палеолита Северной Азии: исследование иконографии // Universum Humanitarium. 2017. № 2. С. 48–65. <https://doi.org/10.25205/2499-9997-2017-2-48-65>
- Guthrie R. D. The nature of Paleolithic art. Chicago ; London : University of Chicago Press, 2005. 507 p.
- Homo Sungerensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М. : Научный мир, 2000. 468 с.
- Lbova L., Volkov P. Processing technology for the objects of mobile art in the Upper Paleolithic of Siberia (the Malta site) // Quaternary International. 2016. Vol. 403. P. 16–22.
- References**
- 3D Galereya [3D Gallery]. Available at: <http://3d.nsu.ru/ru/object/view/tiara1?categoryId=9> (date of access: 03.05.2019).
- Abramova Z. A. *Drevneishii obraz cheloveka: Katalog po materialam paleoliticheskogo iskusstva Evropy [The oldest image of man: A Catalog based on the materials of Paleolithic art in Europe]*. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2010, 304 p. (In Russ.)
- Bader O. N. Sungir. Paleoliticheskie pogrebeniya [Sungir. Palaeolithic burials]. *Pozdnepaleoliticheskoe poselenie Sungir (pogrebeniya i okruzhayushchaya sreda) [Late Paleolithic settlement Sungir (burials and environment)]*. Moscow, 1998, pp. 5–158. (In Russ.)
- Denisova A. N. (comp.). *Predmety s ornamentom so stoyanki Sungir: iz arkhologicheskoi kolleksii Gosudarstvennogo Vladimiro-Suzdalskogo muzeya-zapovednika. Katalog [Items with ornaments from the Sungir site: from the archaeological collection of the State Vladimir-Suzdal Museum-Reserve. Catalog]*. Vladimir, 2015, 28 p. (In Russ.)
- Derevyanko A. P., Shunkov M. V., Fedorchenko A. Yu., Kozlikin M. B. Paleoliticheskaya diadema iz Denisovoi peshchery [Paleolithic diadem from Denisova cave]. *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]*. 2018, Vol. XXIV, pp. 87–90. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2018.24.087-090> (In Russ.)
- Gening V. F., Petrin V. T. *Pozdnepaleoliticheskaya epokha na yuge Zapadnoi Sibiri [Late Paleolithic in the south of Western Siberia]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1985. 88 p.
- Gerasimov M. M. *Malta. Paleoliticheskaya stoyanka (predvaritelnye dannye). Rezultat rabot 1928/29 g. [Malta. Paleolithic site (preliminary data). The result of the work 1928/29]*. Irkutsk, Vlast truda Publ., 1931, 34 p. (In Russ.)
- Guthrie R. D. *The nature of Paleolithic art*. Chicago, London, University of Chicago Press, 2005. 507 p.
- Homo Sungerensis. Verkhnepaleoliticheskii chelovek: ekologicheskie i evolyutsionnye aspekty issledovaniya [Homo Sungerensis. Upper Paleolithic man: ecological and evolutionary aspects of research]*. Moscow, Nauchnyi mir Publ., 2000, 468 p. (In Russ.)
- Khlopachev G. A. (ed.). *Verkhniy paleolit: obrazy, simvoly, znaki. Katalog predmetov iskusstva malykh form i unikalnykh nakhodok verkhnego paleolita iz arkhologicheskogo sobraniya MAE RAN [The Upper Paleolithic: images, symbols, signs. The Catalogue of the Upper Paleolithic minor art and unique finds from the Archaeological Collection of the Museum of Archaeology and Ethnography RAS]*. St. Petersburg, Ekstraprint Publ., 2016, 384 p. (In Russ.)
- Lbova L., Volkov P. Processing technology for the objects of mobile art in the UpperPaleolithic of Siberia (the Malta site). *Quaternary International*. 2016, Vol. 403, pp. 16–22.
- Makarov N. A., Gaidukov P. G. (eds.). *Nauchnotraslevoi arkhiv Instituta arkhologii RAN. Otechety o polevykh issledovaniyakh. Katalog. [Scientific and branch archive of the Institute of Archaeology RAS. Field research reports. Catalog]*. Moscow, IA RAS Publ., 2017, Vol. 5: 1969–1971, 352 p. (In Russ.)
- Medvedev G. I. K probleme morfologicheskogo analiza kamennogo inventarya paleoliticheskikh i mezoliticheskikh ansamblei Vostochnoi Sibiri [On the problem of morphological analysis of stone inventory of Paleolithic and Mesolithic ensembles of Eastern Siberia]. *Opisanie i analiz arkhologicheskikh istochnikov [Description and analysis of archaeological sources]*. Irkutsk, 1981, pp. 16–33. (In Russ.)
- Muravieva A. N. Braslety iz pogrebeniya muzhchiny so stoyanki Sungir [Bracelets from the burial of a man from the Sungir site]. *Materialy issledovaniy Vladimiro-Suzdalskogo muzeya-zapovednika [Research materials of the Vladimir-Suzdal Museum-Reserve]*. 2001, Is. 7, pp. 86–92. (In Russ.)
- Paltseva A. N. Predvaritelnye itogi issledovaniya brasletov so stoyanki Sungir iz arkhologicheskikh kolleksii Vladimiro-Suzdalskogo muzeya-zapovednika [Preliminary results of the study of bracelets from the Sungir site from the archaeological collections of the Vladimir-Suzdal Museum-reserve]. *Arkhologiya Podmoskoviya [Archeology of the Moscow Region]*. Moscow, 2012, Is. 8, pp. 11–15. (In Russ.)
- Petrin V. T. *Paleoliticheskie pamyatniki Zapadnosibirskoi ravniny [Paleolithic sites of the West Siberian Plain]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986, 143 p. (In Russ.)
- Pitulko V. V., Pavlova E. Yu. *Iskusstvo Yanskoi stoyanki: diademy i braslety iz bivnya mamonta (predvaritelnyy analiz kolleksii) [The art of the Yanskaya site: diadems and bracelets made of mammoth tusk (preliminary analysis of the collection)]*. *Arkhologiya Arktiki [Archeology of the Arctic]*. Ekaterinburg, 2014, Is. 2, pp. 140–161. (In Russ.)

- Shmidt I. V. Ornaments paleolita Severnoi Azii: issledovanie ikonografii [Ornaments of the Paleolithic of North Asia: a study of iconography]. *Universum Humanitarium*. 2017, Is. 2, pp. 48–65. <https://doi.org/10.25205/2499-9997-2017-2-48-65> (In Russ.)
- Shunkov M. V., Fedorchenko A. Yu., Kozlikin M. B., Belousova N. E., Pavlenok G. D. Kostyanye orudiya i ukrasheniya rannego verkhnego paleolita iz tsentralnogo zala Denisovoi peshchery: kolleksiya 2016 goda [Early upper Paleolithic bone tools and ornaments from the Central hall of Denisova cave: 2016 collection]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. 2016, Vol. XXII, pp. 221–224. (In Russ.)
- Tashak V. I. Orudiya iz kosti i ikh proizvodstvo v verkhnem paleolite Zapadnogo Zabajkaliya (po materialam Podzvonkoi) [The bone tools and their production in the Upper Paleolithic of the Western Baikal region (on materials of Podzvonkaya site)]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Proceeding of the Laboratory of ancient technologies]. 2007, Is. 1 (5), pp. 118–137. (In Russ.)

Сведения об авторах

Шмидт Ирина Викторовна

кандидат исторических наук, доцент, кафедра теологии и мировых культур, факультет теологии, философии и мировых культур, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; Россия, 644077, г. Омск, пр-т Мира, 55а
e-mail: rebew@rambler.ru, rebewster@googlemail.com

Information about the authors

Shmidt Irina Viktorovna

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Chair of Theology and World Cultures, Department of Theology, Philosophy and World Cultures, F. M. Dostoevsky Omsk State University; 55a, Mira av., Omsk, 644077, Russian Federation
e-mail: rebew@rambler.ru, rebewster@googlemail.com